

Пятница, 4 мая 1990 года

Веч. Москва. -

К 150-летию со дня рождения П. И. Чайковского

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ КЛАССИКОМ?

После революции Чайковский многим казался сомнительным: «певец умирающего дворянства».

Шестую симфонию приходилось исполнять в концертах без финала, чтобы хоть как-то приспособить ко времени. Оно требовало победного грома революции. Симфония кончалась в мажоре. Но идеологи, обрушившие зауспокойный плач последней части, не осознавали (или не желали слышать?), как страшен этот бесовский мажор, какие демонические силы бушуют в нем.

И не они ли продолжают свой шабаш в Ленинградской, седьмой симфонии Шостаковича? Российские пророчества...

Сначала разгул темных сил в фанфарном императиве, потом рыдание, оплакивание самого дорогого, что дано человеку.

Чайковского продолжали исполнять, но времена менялись. Возникли объяснения: все, что скорбь, драма, относится к старому миру. Но празднично-парадному обличку режима импонировала имперская мощь и державная поступь его музыки, и она звучала повсеместно и каждодневно. Доступность музыкального языка сыграла не последнюю роль в приобщении Чайковского ко всем официальным правительственным концертам.

Несколько позднее его использо-

вали в борьбе с «формализмом». Именно русскими классиками били по голове Шостаковича, Прокофьева... в 48-м году. Популярность Чайковского помогала крушить «непонятную народу» новую музыку. Подобно Репину, Чайковский стал также и жупелом в преодолении «западных влияний». Нас учили ненавидеть, не зная. В учебниках по истории музыки писалось всякое непотребство в адрес Стравинского, Хиндемита, Малера, Рихарда Штрауса... Можно вспомнить, как позволяли себе говорить о Рахманинове, Метнере, позднем Скрябине. По части брани в адрес гениальных людей эпохи мы можем смело претендовать на первое место в мире. Когда Герман Абендрот приехал в Советский Союз дирижировать Рихарда Штрауса, студенты бегали на репетиции в Большой зал консерватории слушать «Дон Жуана», потрясенные открытием неизвестной музыки, которая была знаменита на весь мир и запрещена у нас.

Генрих Нейгауз, с юных лет воспитанный европейским духом, видя восторг своих учеников по поводу Р. Штрауса и холодность к привычному каждодневному Чайковскому, сказал с грустью: «Конечно, если, когда ни включишь радио, оттуда, как вода из крана, льется 4-я симфония, перестаешь ее воспринимать. Дурная услуга гению! Надо было бы наоборот — постоянно передавать по радио Рихарда Штрауса и дать отдохнуть Чайковскому. Тогда бы вы все поняли! Какая дичь: запрещать одни произведения искусства и навязывать другие!».

Конечно, дичь. Но не случайная. Тирания любит эксплуатировать национальные инстинкты. При Гитлере официальным композитором страны стал Вагнер. У нас много примеров такого рода. Чего стоит, скажем, «хрестоматийный Пушкин»! Похоже на корабль — большая часть под водой. И очень удобно: можно подогнать и присвоить.

Чайковский по иерархии, кажется, котировался первым: консерва-

тория имени Чайковского, конкурс имени Чайковского. Та часть наследия, которая была «под водой», не исполнялась. Молчала под запретом духовная музыка (чуждая нам религиозность). Ушли в прошлое фортепьянные опусы миниатюр (далекая от нас салонность).

Но вот зазвучало, ожило. Афиши вернули нам забытые названия. «Литургия святого Иоанна Златоуста», — концерты — монографии из фортепьянных опусов.

Чайковский... Один из самых популярных, бесспорных? Нет. Споры идут. Летят критические стрелы. В Англии вышла книга, где его трактуют как явление китч-музыки. А в заметках Игоря Стравинского, человека ядовитого и рафинированного, напротив, о Петре Ильиче написано с любовью и благоговием.

Все, что угодно, можно сказать о Чайковском, и ото всего он самым собой защищен. Своей мощью. Ибо только гиганту под силу так возлюбить «обыкновенность» жизни. Так не бояться ничьих влияний, растворяя их в себе и заслоняя собой. По двум тактам узнаешь мгновенно: Чайковский. И ни с кем не спутаешь. От фортепьянной безделушки до оперы, симфонии, концерта, всегда во всем узнаваем...

С чем же мы пришли сегодня к 150-летию нашего национального гения?

Раскрыт ли для нас во всей полноте этот противоречивый человек и безграничный по своим масштабам художник?

Даже если можно было бы ответить на этот вопрос утвердительно, признаем: все-таки классиком быть очень трудно.

Время берет в плен заложника вечности. Сегодня, когда облетает шелуха идеологических канонов, хочется вернуться к возрожденному Чайковскому, цветущему, как апрельское дерево, и дорогому, как минувшее столетие.

Вера ГОРНОСТАЕВА.